

Ирина Прусс

Демографические парадоксы

В ноябре 1995 года на международной научной конференции прозвучал доклад академика РАН, руководителя Центра демографии и экологии человека ИНИ

Анатолия Григорьевича Вишневого (он выступал от имени Института народнохозяйственного прогнозирования РАН) «Демографическая ситуация в России: грозящая катастрофа или поворотный пункт?».

Доклад, несмотря на вполне каноническую форму, состоял из цепи парадоксов, и каждый его сюжет был разоблачением определенного мифа, утверждением «не так» — не так, как мы привыкли думать, говорить...

Он, естественно, был рассчитан на профессионалов и для читателей журнала нуждается в некоторых комментариях. Эти комментарии мы попросили сделать самого Анатолия Григорьевича, между прочим, нашего давнего автора: впервые для широкой аудитории его слова о происходящей демографической революции прозвучали именно со страниц «Знание—сила».

Парадокс первый:
Катастрофа отменяется, или
Грозит ли депопуляция Европе?

ИЗ ДОКЛАДА:

Прогнозы рождаемости. При всех различиях выполненных в последнее время в России или за рубежом прогнозных оценок рождаемости для России ни одна из них не предполагает повышения рождаемости до уровня простой замены поколений. Конечно, число рождений уже в ближайшие годы будет расти, ибо в этот период будет быстро увеличиваться число женщин наиболее активных покреативных возрастов (20—34 года). Позднее начнется новое сокращение числа рождений, обусловленное циклической динамикой численности женских поколений, заданной «эхом» второй мировой войны. Но значительного роста интенсивности деторождения ожидать не приходится.

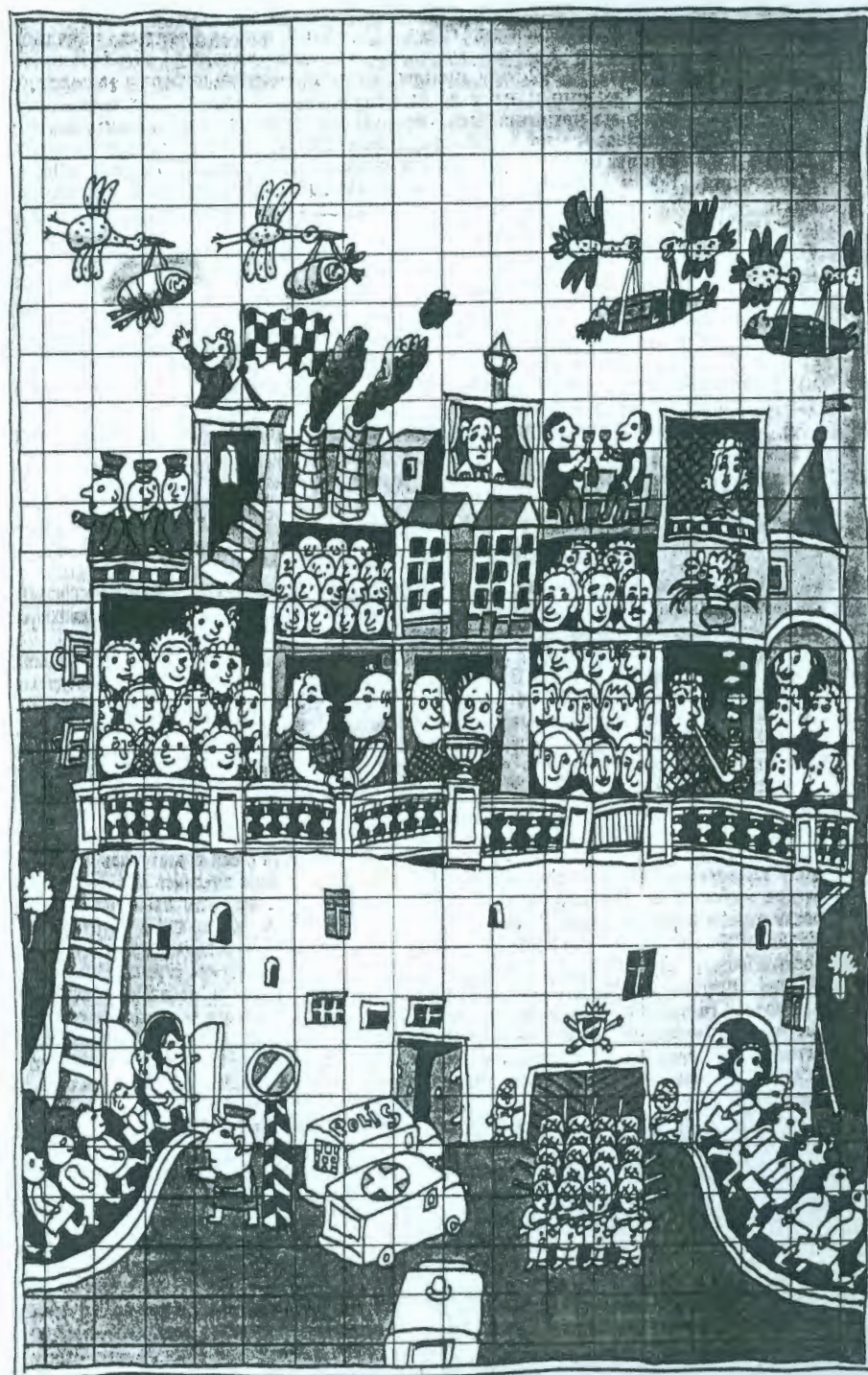

Иллюстрация В. Бухарева

Демографическую катастрофу России сулят уже не первое десятилетие. Еще с середины шестидесятых годов. С конца восьмидесятых началось небывалое в истории России мирного времени падение естественного прироста населения. В 1992 году впервые в послевоенной истории население начало убывать. Так оно и идет до сих пор.

Люди — одно из национальных богатств, ресурс не хуже золота, леса и нефти. Для малонаселенной страны ценен особо. Между прочим, среди десяти крупнейших по числу жителей стран мира (Китай, Индия, США, Индонезия, Бразилия, Россия, Япония, Пакистан, Бангладеш, Нигерия) наша — не только обладательница самой большой территории, но и страна с самой низкой плотностью населения: менее девяти человек на один квадратный километр (второе ниже, чем в США, в 17 раз ниже, чем в Европейском Союзе, и почти в 15 раз ниже, чем в Китае).

Над Россией поднимается и крепнет плач патриотов — плач о депопуляции. Вымирает некогда великий и могучий. Осталось лишь выяснить, кто его извел: большевики или демократы...

И только демографическая статистика позволяет увидеть парадоксальную вещь: именно когда у нас резко упала рождаемость, мы еще по одному признаку вошли в компанию промышленно развитых европейских стран.

Что же они там, в америках, франциях и швейцариях, тоже вымирают?

Комментарий Аятолия Вишневого

Число смертей превысило число рождений, действительно, только в начале девяностых, но расширенное воспроизводство населения в России кончилось гораздо раньше, лет двадцать пять тому назад. Демографы это отлично знали и говорили об этом неоднократно.

Критическая отметка — два с лишним ребенка на семью, чтобы в следующем поколении место матери заняла одна дочь. На этом рубеже кончается расширенное воспроизводство, начинается суженное. Мы этот рубеж прошли давно и почти незаметно для себя, потому что еще долго число рождений превышало число смертей. При расширенном воспроизводстве, которое у нас было прежде, в возрастной структуре населения велика доля молодежи. При суженном воспроизводстве велика доля пожилых. Но сдвиги происходят медленно, и при переходе от одного режима воспроизводства к другому всегда есть некий люфт: воспроизводство уже суженное, но число рождений еще велико, и кажется, будто ничего не изменилось. Ясно, что это не может длиться вечно. И дело не в событиях последних лет.

Низкая рождаемость — общеевропейская проблема. Первой с ней столкнулась Франция: здесь заговорили о депопуляции в середине XIX века. Немцы тогда смеялись над демографической озабоченностью французов — у них резкое падение рождаемости произошло только после первой мировой войны. Сегодня рождаемость в Германии, равно как в католических Италии и Испании, ниже, чем в России. А до критической отметки, отделяющей расширенное воспроизводство от суженного, не дотягивает почти ни одна европейская страна. Германия и Италия, Венгрия и Чехия, Литва и Румыния, Латвия и Эстония подошли к середине девяностых годов с отрицательным естественным приростом. В тех же европейских странах, где он положительный, он невелик: 0,3—0,4 процента в год. На значительное увеличение естественного прироста в Европе никто всерьез не рассчитывает. Можно предположить, что включаются некие механизмы саморегуляции, которые все же не позволяют соскользнуть в пропасть.

Низкая рождаемость — проблема богатых стран, хотя напрямую с экономикой она не связана. Скорее дело в образе жизни, в системе ценностей, которые совершенно меняются после того, как общество проходит через урбанизацию, индустриализацию (и заодно становится богаче). В бедных странах родителей не слишком заботит будущее их детей: в традиционном, в основном сельском, мире этих стран оно и так ясно, понятия «карьера» там не существует. Если ребенок не умрет, то займет место родителей и будет кормить их в старости. Вероятность смерти очень высока, значит, надо иметь много детей, чтобы получить гарантию обеспеченной старости.

В современном обществе вероятность потерять ребенка очень мала, а вот его обучение, его психологическая подготовка к жизни в таком обществе требуют от родителей огромных душевных и материальных затрат. Вряд ли это способствует высокой рождаемости.

Впрочем, может быть, стоит взглянуть на проблему пошире, в масштабе планеты? Недавно прочел в какой-то газете: «Население Земли вымирает, как мамонты». Чуть собачья! — если можно употребить такие слова в вашем журнале. В начале века на Земле жило полтора миллиарда человек, сейчас их число приближается к шести миллиардам. Сочетание современных достижений санитарии и медицины с образом жизни и представлениями, характерными для патриархального уклада бедных стран, порождает демографическую бум, ни о каком вымирании человечества не может быть и речи. Планете грозит переизбыток населения. Постоянно растет население третьего мира, население Китая. После второй мировой войны в соседнем Китае было около пятисот миллионов жителей, и какое-то время они еще боролись — не без нашего влияния — с мальтузианством, буржуазной лжеэкономикой. Мы можем поздравить себя и их с успехом: сейчас население Китая — миллиард двести тысяч человек.

Другое дело — судьба европейского мира, европейской культуры. Ни в Европе, ни в США не приходится рассчитывать на значительный естественный прирост населения. Но есть иммиграция. Европейцев слишком мало? Европейцем может стать любой... Во всяком случае, теоретически. На практике же все намного сложнее. Европа знакома с этой проблемой, придется столкнуться с ней и нам.

Но вернемся к рождаемости. Это не только число детей. Важно еще, в каком возрасте женщина становится матерью, каковы интервалы между рождениями. У нас рождаемость очень ранняя. Это — традиция, но как-то это связано и с советской моделью жизни. В патерналистском государстве молодые родители могут не задумываться о том, на какие средства они будут растить, учить и лечить своих детей. Так что ранняя рождаемость может быть и следствием, а в каком-то смысле и причиной государственного патернализма. Патернализм кончился (если он кончился), и сейчас могут начаться подвижки в возрасте рождения первого ребенка — в столь ненавистном нам «буржуазном» направлении: сначала встань на ноги, потом заводь детей. А такие сдвиги могут повлиять и на уровень рождаемости в ближайшие годы.

Но никакие прогнозы не обещают нам возврата к модели расширенного воспроизводства населения. В этом смысле мы бесповоротно стали страной развитого западного мира.

Парадокс второй: Рождаемость — как у богатых, смертность — как у бедных?

ИЗ ДОКЛАДА:

Прогнозы смертности. Затяжной, длившийся несколько десятилетий кризис смертности и предопределявшие его факторы создали инерцию, преодолеть которую будет очень сложно. Конечно, экономические и политические реформы меняют ситуацию... Но пока реформы идут медленно и болезненно, а их влияние на смертность противоречиво. Поэтому и все имеющиеся прогнозы изменений смертности в России на ближайшие десятилетия весьма пессимистичны. Даже в наиболее благоприятных сценариях, как правило, не предполагается достижение нынешнего уровня западных стран (ожидаемая продолжительность жизни мужчин 72—75 лет, женщин — 78—81 год) и через десять — двадцать лет.

Ну, не вполне, как у бедных: мы только ощущаем себя таковыми, а кто бывал в Азии, Африке, Латинской Америке, тот своими глазами видел, как выглядит настоящая бедность...

И все же по смертности мы никак не годимся в тот самый клуб избранных, куда несколько неожиданно попали, снизив рождаемость ниже уровня простого воспроизводства.

Более того, мы приближались к развитым странам и отдалялись от них в одно и то же время!

Судите сами: с 1950 по середину шестидесятых младенческая смертность сократилась с 88 до 25 на тысячу родившихся. Однако именно с 1964—1965 годов началась долгая стагнация, а то и снижение продолжительности жизни, особенно у мужчин. Правда, в 1985—1987 годах дела поправились

сразу резко, рывком: за два года продолжительность жизни у мужчин выросла на 2,6, у женщин — на 1,2 года. Некоторые демографы совершенно определенно связывают этот всплеск здоровья и долголетия с антиалкогольной кампанией, над которой не издевался только ленивый.

Но уже в 1993 году, как говорится в докладе, «подъем смертности приобрел невиданные для мирного времени масштабы». Еще бы: всего за год мужчины потеряли три, а женщины — 1,8 года жизни!

Так как же можно двигаться одновременно в двух противоположных направлениях: к цивилизованной жизни и от нее? И что получается в результате такого странного движения?

Комментарий Анатолия Вишневого

Три процесса определяют демографическую ситуацию: рождаемость, смертность и миграция. Слово «катастрофа» применимо сейчас только к одному из них, и это совсем не рождаемость. Это смертность. Конечно, и тут о катастрофе можно говорить, только сравнивая положение дел у нас и в цивилизованных странах — в Европе, США, Японии. Так, младенческая смертность сегодня в России — 18 на одну тысячу родившихся, и это в три раза больше, чем в Европе; но до революции в России на тысячу родившихся умирало более двухсот младенцев! И еще в 1980 году младенческая смертность была у нас 22 на тысячу родившихся.

В цивилизованном мире за последние лет сто произошли две эпидемиологические революции. Первая была связана с тем, что удалось поставить под контроль так называемые экзогенные причины смерти, прежде всего инфекционные заболевания: обязательная вакцинация населения, обеззараживание источников воды и прочие достижения санитарии. Это были массовые и относительно дешевые мероприятия; советская власть осуществила их довольно успешно.

В пятидесятые—шестидесятые годы на Западе началось новое наступление на смерть. Вторая революция предполагала серьезные изменения в индивидуальном поведении людей, в их образе жизни и системе ценностей. Изменилось отношение общества к охране здоровья и к ценности человеческой жизни. Здоровье начало занимать самые высокие места в иерархии ценностей западного человека. Перемены отражаются в огромном росте затрат на здравоохранение: если эти затраты в 1960 году принять за единицу, то в 1990 году в США они уже составили 18,2, а во Франции — 39,3. В 1990 году в США на нужды здравоохранения расходовалось 12,2 процента конечного продукта.

Если судить по динамике затрат на здравоохранение, в СССР (стало быть, и в России) вторая эпидемиологическая революция даже не началась: эти затраты у нас в 1990 году были всего в 4,7 раза больше, чем в 1960 году. Мы остались примерно на том уровне, на каком передовые западные страны находились в пятидесятые годы. В этом и заключена суть затяжного эпидемиологического кризиса в России.

Низкая смертность в передовых странах — это броня цивилизации. Но такая броня стоит дорого. У нас она слабенькая, она легко прохудилась во многих местах при перегрузках переходного времени. Запаса прочности не было... Но в целом мы с Западом двигаемся не в противоположных направлениях: просто Запад в снижении смертности обогнал нас. Как дела пойдут дальше, зависит от нашего выбора: какую броню ковать — военную или мирную.

Парадокс третий: Не те умирают...

ИЗ ДОКЛАДА:

Чрезвычайно высокая вероятность умереть от несчастных случаев — пожалуй, главная особенность российской смертности, особенно мужской. В 1992 году... стандартизованный коэффициент смертности мужчин от этой группы причин в России приближался к 300 на 100 тысяч жителей, что почти в четыре раза превышает средневропейский показатель. У женщин он составляет примерно 70 на 100 тысяч (более чем в два раза выше средневропейского показателя). Самые высокие уровни смертности от этого класса причин и самые большие ее изменения наблюдались у мужчин в возрасте 20—44 года.

А что, собственно, произошло в первой половине девяностых годов? Откуда такой пик смертности? Неужели, действительно, пришли демократы и все испортили? Разрушили государственную систему здравоохранения, новой системы не создали, угробили фармакологическую промышленность, как и всякую прочую, — и вот вам, пожалуйста...

Эту гипотезу стоило бы обсудить, если бы не кое-какие обстоятельства. Кто первый должен пострадать от развала системы здравоохранения? Правильно, самые слабые и зависимые от медицинской помощи: старики и дети. Но с этими возрастными группами как раз ничего особенного и не случилось, в них смертность сохранилась практически такая же, как и в 1984 году, когда советская медицина была в обычном своем состоянии.

Удар пришелся по взрослому трудоспособному населению, а (цитата из доклада) «рост смертности мужчин старше 20 лет приобрел поистине катастрофический характер».

Так что же случилось на самом деле?

Комментарий Анатолия Вишневого

Что у нас происходит со взрослыми мужчинами, дающими просто небывалые цифры смертности, на самом деле объяснить не может никто. Я слушал и читал выступления многих специалистов, наших и зарубежных, и ни одно из них не могу считать исчерпывающим или даже вполне удовлетворительным. Но мы знаем, от чего у нас, в отличие от Запада, в основном погибают мужчины: от несчастных случаев.

Я бы не стал проинизировать по поводу антиалкогольной кампании. Я бы даже сказал, что именно демографов можно считать среди ее инициаторов. Помните статью Б. Урлианса «Берегите мужчин» в «Литературной газете»? Резкое падение смертности среди работоспособных мужчин в 1985—1987 годах с неопровержимостью показывает, сколько жизней в принципе можно спасти, если на самом деле покончить с алкоголизмом.

Другое дело, что кампания эта в самой себе несла свой конец, что она была обречена с самого начала. Она была построена на запретах, тот же бесперспективный патернализм.

И все же уроки антиалкогольной кампании не сводятся к тому, что запретами делу не поможешь. Она подтвердила, что алкоголизм — враг номер один.

Одно из возможных объяснений скачка смертности среди взрослых мужчин в 1993 году дает гипотеза смещения «отложенных» смертей с периода антиалкогольной кампании — они как бы прибавились к естественным смертям более позднего времени. Как и все остальные гипотезы, она не исчерпывающая, но рациональное зерно в ней есть.

Парадокс четвертый:

Население России может расти за счет эмигрантов, но они, кажется, никому здесь не нужны

ИЗ ДОКЛАДА:

Распад СССР активизировал выезд из бывших республик, но не так сильно, как принято думать. В течение 1990—1993 годов количество прибывших в Россию оставалось практически постоянным, незначительно превышая уровень 1989 года... Вопреки установившемуся мнению, чистая миграция в Россию увеличилась в большей степени за счет сокращения выезда из России, а не увеличения въезда в нее. За 1989—1994 годы выезд сократился в три раза.

Однако в 1994 году впервые существенно увеличился въезд... Увеличение въезда при одновременном сокращении выезда привело к быстрому увеличению чистого миграционного прироста населения России: в 1993 году по сравнению с 1992 он увеличился почти на 200 тысяч человек, или в полтора раза, и в 1994 году по сравнению с 1993 еще на 371 тысячу человек, или на две трети.

Этот парадокс в докладе только обозначен, но тем не менее ясно прочитывается между строк.

В итогах доклада сказано четко: «...Россия в обозримом будущем едва ли может рассчитывать на сохранение, а тем более увеличение своего демографического потенциала за счет естественного прироста. В этом и заключается суть поворотного пункта, к которому Россия подошла в своем демографическом развитии. Завершился этап, на котором она была страной с относительно высоким естественным приростом населения и значительной эмиграцией. На новом этапе основным, если не единственным источником роста численности населения страны может быть только иммиграция».

Перспективы иммиграции по докладу можно себе представить по таким цифрам: российская диаспора в бывших союзных республиках в 1989 году насчитывала 37—38 миллионов человек (25,3 миллиона этнических русских, плюс 11,2 миллиона русскоязычных, в основном славян, плюс представители других народов России — татары, башкиры и так далее). Конечно, речь не идет о том, что все они вернуться в Россию, но даже если процентов 20—30...

Одно из национальных богатств — квалифицированная рабочая сила, люди, всегда считавшие своей родиной Россию, носители русской культуры — вот они, пожалуйста, не надо учить и лечить, готовые, и еще со своими детьми, которых России так не хватает... Ведь в российской диаспоре выше среднего доля горожан, квалифицированных рабочих и специалистов.

Дальше следует резко и нелюбезно написать о работе миграционных органов, правительства, местных властей — всех, кто равнодушен, не принимает мер, не дает средств и так далее, — это следует здесь написать, но надоело. Кроме того, инвективы в адрес властей никакого парадокса в себе не содержат по определению.

Но раз уж мы все равно вышли за рамки доклада, подумаем о другом. Если реформы будут и дальше развиваться и углубляться, нам не избежать серьезной безработицы. И прежде всего она ударит по городам: деревенский человек всегда себя прокормит. Так, может, пока новые горожане нам в самом деле ни к чему? Вот выберемся из кризиса, начнется экономический бум — тогда пожалуйста, тогда сами позовем и примем. А сегодня, может, резоннее договариваться с властями стран ближнего зарубежья, оказывать на них давление, чтобы не обижали «наших», — им-то квалифицированные работники тоже нужны.

Комментарий Анатолия Вишневого

В нашем веке три страны приняли «своих» сразу и в большом количестве. Население Германии после войны сразу выросло примерно на четверть — туда по условиям мирного договора переселились немцы всей Восточной Европы. И это стало одной из предпосылок экономического подъема послевоенной Германии. Израиль принимает евреев со всего мира — иммигранты преподают в университетах, лечат, делают научные открытия, создают произведения искусства; но даже когда они просто выращивают скот или фрукты — они умножают национальное богатство. Наконец, Франция после алжирской войны вынуждена была переселить к себе множество «черноногих» — французов, родившихся и выросших в Алжире. Конечно, у переселенцев были психологические и культурные проблемы, были проблемы в отношении к ним остальных французов — но экономических проблем иммигранты не создали.

Не было такой страны, которую бы разорили иммигранты.

Я думаю, возвращение русских (русскоязычных) в Россию неизбежно. Собственно, оно началось уже давно.

Несколько столетий русские двигались из центра на юг и на восток, двигались, увлекая за собой тех, кого сегодня называют русскоязычными: украинцев и белорусов, евреев и немцев, и так далее. До революции преобладали крестьянские переселения, в советское время — миграция, связанная с урбанизацией и индустриализацией. Но важно то, что в XX веке мигранты занимали новые ниши, связанные с промышленным городским развитием. Хотя и в советское время были аграрные переселения (освоение целинных земель). Часть переселенцев носила насильственный характер (заключенные, спецпереселенцы). Местные жители еще

долго оставались в большинстве крестьянами,писаться в новую жизнь им мешали и недостаточное знание русского языка, и культурные барьеры.

Но время шло, приезжие подталкивали модернизацию, постепенно положение менялось. Умножались местные кадры и нарастала конкуренция за более высокие статусы, за рабочие места, что в конце концов вело к вытеснению русских и русскоязычных. Их возвращение началось уже в середине семидесятых, но резко ускорилось в конце восьмидесятых — начале девяностых годов, когда в таких среднеазиатских столицах очередь на контейнеры для домашнего имущества оказалась расписанной чуть не на год вперед. Конечно, и сейчас еще в Средней Азии остается немало русских, но, мне кажется, их число будет все время убывать. И дело даже не просто в реальных опасностях «текущего момента».

Уже сейчас можно не сомневаться, что уровень жизни в России в обозримом будущем останется гораздо выше, чем в большинстве бывших республик СССР, особенно в республиках Средней Азии и Казахстане. Думаю, в Россию будут стремиться и казахи, и коренные жители других соседних стран. Уже сегодня у нас множество легальных и нелегальных иммигрантов из Китая, из Северной Кореи, из Вьетнама — языковые и культурные различия не останавливают тех, кто хочет жить лучше, чем это возможно у них дома. А русским, дом которых — здесь, у нас, им сам Бог велел возвращаться...

А разве России не нужны эти люди? Нужны с точки зрения демографической — это мы уже обсуждали. Нужны, потому что, на самом деле, для них здесь много работы. Работы — а не безработицы. Безработицы боялись и в Германии, и в Израиле, и во Франции. Но если она там и есть, то не больше, чем в других странах. Причина безработицы — не иммиграция. В России с ее слабозаселенными просторами, с самыми протяженными в мире границами, с бездной нерешенных экономических задач даже миллионы новых граждан никогда не будут лишними.

Да, на первое время, на обживание нужны деньги, и немалые. Но это не подавание, а инвестиция, которые окупятся. Где их взять? Это вопрос не ко мне. Я искренне надеюсь, что когда будут отремонтированы кремлевские палаты, кто-нибудь подумает и о том, как отремонтировать Россию. Тогда руки дойдут и до проблем иммиграции. Пока же отношение к ней как к временному явлению, которое вот-вот кончится. Нет ясного понимания перспектив, нет концепции демографического будущего страны.

Но переселение все равно будет; даже если не произойдет массового возвратного переселения русских в Россию — к нам поедет третий мир. Из той же Средней Азии раньше не особенно стремились в Россию, потому что перераспределением национального продукта из Центра удавалось худо-бедно выравнивать уровень жизни в разных регионах страны. Теперь создалась разность потенциалов, которая неизбежно будет притягивать в Россию людей из более бедных стран.

Дальний Восток уже давно испытывает натиск китайской иммиграции — ее напора трудно избежать все по тем же экономическим причинам. Но геополитические интересы России требуют по возможности не допускать мононационального заселения восточных территорий. Сегодня там живет так мало русских, что они рано или поздно просто потонут среди китайцев. Мы могли бы направить в эти многообещающие края потоки русских переселенцев. •

Анатолий Григорьевич ВИШНЕВСКИЙ — демограф. Давний автор журнала. На исходе эпохи застоя выступил с серией статей, посвященных происходящей в мире демографической революции: переходу промышленно развитых стран от расширенного к суженному воспроизводству населения. Социально-экономические и социокультурные корни и последствия этой революции только начинают осознаваться в нашей стране, чему свидетельством — предлагаемая статья.